

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРКАСОВ СИМУЛЯКРОВ

Рассматриваются проблемы моделирования концептуальных каркасов; одна и та же теория, претерпевая определённые внешние изменения по отношению к её восприятию и трактовке (в силу меняющейся прагматической пресуппозиции субъекта знания), демонстрирует реальность отсутствующего (системообразующего) критерия (для нас), который смог бы явно актуализировать дефиницию концепта «иррациональный»; онтология дискурса определяется концептуальным каркасом как раз посредством репрезентации конкретных концептов.

Ключевые слова: фальсификация; симулякр; концептуальный каркас; знание; рациональность; И. Лакатос.

Рассматривая проблему фальсификации знания как единственно правомерного критерия научности (и, следовательно, *рациональности*), исследователи данного направления постоянно забывают о том, что теории и исследовательские программы испытывают определённые трудности в силу того, что они являются всего лишь «концептуальными каркасами» (И. Лакатос). Игнорирование последнего при анализе фальсификационизма теорий, пролиферации теорий и т.д. делает возможным признание явной приоритетности принципа фальсификационизма (возможно, даже придание ему статуса *мета*принципа).

Элиминирование концептуального каркаса теоретической модели (впрочем, как и моделей других типов) как симулякра – это демонстрация подмены любого возможного варианта модели (только лишь как одного из вариантов) единственно возможным метафизическим основанием. Именно поэтому в этом случае симулякр приобретает статус догматического характера. Другими словами, происходит утверждение единственно возможного положения вещей для рациональной схемы отношений. Таким образом, мы автоматически имеем возможность наблюдать систему иррационального характера в рамках попыток рационального следования [правилу]: «И поскольку факты значения в том виде, в каком они представлены в других парадигмах, не могут претендовать на роль правила, а универалистская концепция оказывается несостоятельной, постольку возникает скептический тезис о радикальной нестабильности следования правилу» [1. С. 16]. В этой связи интерпретация рациональных и иррациональных аспектов дискурса естественным образом обусловлена противопоставленностью последних.

Таким образом, утверждая метафизичность оснований рационального дискурса (в данном случае – концептуального каркаса), мы создаём очередной симулякр, одним из принципов которого является изобретение намеков «на то мыслимое, которое не может быть представлено» [2. С. 322].

Если исходить из того, что *основания* симулякра как дискурсивного образования предопределяются возможной вариативностью интерпретации концептов и, естественно, смещением их смыслов, то необходимо следует, что мы в конечном итоге получаем определённое множество симулякров. И каждый элемент (симулякр) данного множества конституируется каким-то конкретным вариантом интерпретации концепта.

Картина мира, конституируемая посредством некоторого дискурса, основополагающий элемент которого есть концепт, является *de facto* репрезентацией данного концепта (поскольку любая модель, в том числе и теоретическая, имеет непосредственное отношение к картине мира как к своему репрезентанту, то естественным образом всё это имеет отношение и к ней).

Концепт задаётся набором конкретных смыслов и значений, смещение которых влечёт за собой переконституирование самого дискурса. Картина исследуемой реальности (область допустимых её интерпретаций и значений) может как включать / допускать возможные наборы значений – смыслов, актуальных для неё концептов, так и не включать / не допускать их (в последнем случае картина мира будет менее устойчива к возможным новым вариантам интерпретации появляющихся вариантов знания).

В этой связи для сравнения обратимся к хорошо известным примерам:

- марксистская теория (марксистская картина мира), экстраполирующая определённую модель знания на «вечность»;

- фальсификационистская теория, утверждающая, что только фальсифицируемая теория и может быть научной.

Во-первых, как в первом, так и во втором случае даже при поверхностном сравнительном анализе мы сразу же вынуждены констатировать, что научная картина мира (картина исследуемой реальности) обусловлена концептом *абсолютного понимания*, который и формирует дискурс возможности «совершенного» знания. То есть невзирая на, казалось бы, столь «несводимые» концептуальные каркасы, мы обнаруживаем основополагающее сходство в интерпретации конкретного концепта «*совершенное знание*». Во-вторых, первый пример научной картины мира – это вариант, не допускающий других возможных наборов значений и смыслов концепта «*совершенное знание*», а второй пример – это противоположный вариант, допускающий **бесконечную** возможность других наборов значений и смыслов данного концепта (имеется в виду, что этот концепт может быть репрезентирован дискурсом как угодно при условии, что будет соответствовать *научности* конкретной теории).

Следовательно, **понятия** «научность» и «совершенное знание», пересекаясь в каком-либо контексте (в нашем понимании – традиционном), являясь синонимичными, не вызывают у нас недопонимания с точки зрения возможности их противопоставленности, так

как они (для нас) синонимичны (синонимы не противопоставляются, они дополняют, уточняют или замещают друг друга); но **концепты** «научность» и «совершенное знание» определяют совсем другое положение вещей: так как *научность* обусловлена рациональной объяснимостью мира, а под последней мы должны понимать всё, что *как-то* помогает пониманию исследуемой картины реальности, даже если предложенная (контекстуальная) рациональность весьма сомнительного свойства, то и «*совершенное знание*» приобретает совсем другое качество (знание является совершенным только в случае рациональной интерпретации картины мира, которая должна постоянно подвергаться *переинтерпретации* посредством фальсификации предыдущей). Другими словами, на примере двух теоретических систем мы вынуждены признать, что область функционирования понятий намного уже области функционирования концептов, а значит, и дискурсивный анализ может считаться правомерным только в том случае, если он учитывает не-синонимическую природу концептов-понятий. Онтология дискурса определяется концептуальным каркасом как раз посредством репрезентации (разворачивания) конкретных концептов.

Итак, обратимся вновь к безуспешным попыткам определения понятия *рациональности* у И. Лакатоса. Пытаясь соотнести рациональность с некой прогрессивностью, И. Лакатос приходит к следующему: «исчерпывающаяся» прогрессивность [теории] предопределяет замену рациональности иррациональным. «Маргенау замечает: “Можно понять тех, кто, воодушевляясь успехами теории, закрывает глаза на уродство её архитектуры...”». Однако в действительности эти архитектурные “уродства” ни для кого не были “тайной”... – пока программа развивалась прогрессивно. ...такое отношение рационально, но только до того момента, когда стадия прогресса заканчивается: после этого апологетика “уродства” становится иррациональной» [3. С. 92, 93]. Следовательно, условия (или основания возможного / невозможного предпочтения того или иного явления) «определяют» рациональность / иррациональность отношений (взаимодействий) элементов теории. Но отличается ли это чем-то по существу от гипотезы *ad hoc*? Если следовать логике рассуждений И. Лакатоса, то, с одной стороны, необходимо признать, что «иррациональные» отношения – это показатель проблемы (необходимости дальнейшего сдвига теории), а с другой – эта проблема была и раньше известна (т.е. тогда, когда рациональность теории не подвергалась сомнению), но не имела такой степени актуальности, как теперь, при определённом развитии событий. И это не может нас не привести к следующему выводу: если прогрессивность развития теории (или программы) исчерпана, так как программа больше не обеспечивает новых результатов, то её дальнейшее обоснование *иррационально*, поэтому сам критерий рациональности / иррациональности в этом случае сводится не то к условности, которую определяет либо конвенциональная обусловленность (сам И. Лакатос относится к ней достаточно негативно), не то к признанию отсутствия разницы между рациональным и иррациональным, ибо всё остаётся в теории без изменения,

в том числе и её основания, а оценка её меняется на противоположную (что, конечно же, выглядит абсурдом не только с точки зрения исследовательских программ И. Лакатоса).

Таким образом, одно из возможных предположений в данном (весьма противоречивом) случае будет следующим: одна и та же теория, претерпевая определённые **внешние** изменения по отношению к её восприятию и трактовке (очевидно, в силу меняющейся прагматической пресуппозиции субъекта знания), демонстрирует реальность отсутствующего (системообразующего) критерия (*для нас*), который смог бы явно актуализировать дефиницию концепта «иррациональный».

Концептуальный каркас теоретической системы пребывает в строгом соответствии с уже совершившимся «прогрессивным сдвигом» проблем только до тех пор, пока этот совершившийся сдвиг воспринимается как прогрессивный. Сами же основания «прогрессивности» сдвига проблем рационально неопределимы по причине невозможности нахождения точек, однозначно фиксирующих начальный момент неадекватности наших ожиданий по отношению к уже имеющимся теоретическим системам (как к описаниям картины мира). Данное предположение корректно проиллюстрировать следующим рассуждением У. Эко: «Так, Галилей был осуждён не по логическим причинам (в терминах “истинно” – “ложно”), а по причинам семиотическим, поскольку ложность его фактуальных суждений доказывалась с помощью противоречивших им суждений семиотических – типа: “это не соответствует сказанному в Библии”» [4. С. 147].

И. Лакатос обращает внимание на известное рассуждение А. Эйнштейна: «Нет такой теории, символы которой кто-то не смог бы подходящим способом увязать с наблюдаемыми величинами» [3. С. 93]. «Подходящий способ» и «наблюдаемые величины» – это взаимообусловленность или релевантность в отношениях? То есть если утверждается возможность некоторого соответствия (одного другому), то, очевидно, существует и сам способ этого соответствия: «наблюдаемые величины» могут стать наблюдаемыми только при условии возможности их наблюдения. (В данном случае речь не идёт о тавтологии, потому что сам способ, обуславливающий возможность какого-то конкретного наблюдения, – это и есть способ организации этих конкретных «наблюдаемых величин».) Поэтому субъектно-объектные отношения никогда не были предметом разрешённого спора: мы не можем аргументировать первое предположение, опровергнув второе, и точно так же не можем аргументировать второе предположение, опровергнув первое. Следовательно, вопрос об отношениях способов наблюдения и самих явлений остаётся нерешённым *в принципе*, но сам принцип распространяется на дискурс как таковой, а не на конкретное образование дискурсивного характера (теоретическую систему, мифологический сюжет или религиозную доктрину), поэтому картина исследуемой реальности, репрезентированная каким-то конкретным видом дискурса (научным, мифологическим, религиозным), действительно всегда будет соответствовать актуальному для неё способу представления структурируемых

ею элементов (величин). Что же касается взаимообусловленности или взаимосвязи «способа» и «величины», то невозможность несогласия с выводом А. Эйнштейна относительно того, что нет теории, которая не будет в конечном итоге согласована с наблюдаемым, указывает как раз на приоритетность пресуппозиции, в соответствии с которой мы фиксируем и выражаем то, что для нас доступно и intersubjectively, т.е. обладает качеством **пошаговой** рациональной обусловленности. Сама же приоритетность такой пресуппозиции остаётся для нас за рамками рационального объяснения, поэтому и «нет такой теории...». Очевидно, концептуальные каркасы создаются именно так: система их внутренней упорядоченности определяется как доступностью и intersubjectивностью, так и пресуппозицией, обуславливающей (каким-то образом *для нас*) саму доступность и intersubjectивность данного дискурса.

В связи с иррациональным оттенком принципа соотношений «подходов» и «величин» И. Лакатос обращает внимание на значимость непротиворечивости как некоего регулятивного принципа: «Обнаружение противоречий должно рассматриваться как проблема. Если цель науки – истина, наука должна добиваться непротиворечивости. С другой стороны, из этого не следует, что как только противоречие... обнаружено, развитие программы должно немедленно приостанавливаться» [3. С. 93, 94]. Из дальнейшего объяснения следует, что значение противоречия можно ограничить и посредством гипотезы *ad hoc*, и посредством карантина; подобного рода предложения являются свидетельством того, что апологет рациональности в науке признаёт необходимость противоречий для возможного прогрессивного сдвига теорий, но при этом сам сталкивается с противоречием (противоречие одновременно: и показатель неистинности положения дел, и возможный инструмент получения нового положения вещей). Позиция чрезвычайно странная: мы не можем допустить противоречивости системы, но для того чтобы система была непротиворечивой,

мы должны соглашаться (хотя бы и временно) с обнаруживаемыми в ней противоречиями. Тем не менее И. Лакатос пытается избавиться от такого явного несоответствия собственных утверждений посредством рассмотрения проблемы стандартизации значений и сдвигов этих значений. «В неформальном смысле два высказывания могут быть (слабо) противоречивыми при стандартной интерпретации некоторых смыслообразующих терминов, хотя формально, при нефиксированной интерпретации, они могут быть совместимыми... выхолащивание значений может привести к бесплодию положительной эвристики программы (однако иногда именно стандартизация значений может оказаться прогрессивной)» [3. С. 186]. Таким образом, посредством констатации возможности актуализации различных концептов, имеющих отношение к одним и тем же понятиям, И. Лакатос утверждает правомерность создания и различных дискурсов (правда, у И. Лакатоса речь идёт исключительно о дискурсе теоретической модели). То есть сдвиг стандартизированных значений в конечном итоге приводит к созданию определённых множеств (как интерпретационных моделей этих значений), на основании которых и формируются конкретные дискурсы [5].

Таким образом, анализируя и сравнивая принципы и этапы становления концептуальных каркасов с точки зрения формирования симулякров, мы пришли к следующему заключению: во-первых, симулякр как некая форма, поглощающая реальность, безусловно, невозможна вне концептуального каркаса; во-вторых, концептуальные сдвиги, являющиеся, по сути, перманентным состоянием формирования наших представлений, возможны только в пределах конкретного концептуального дискурса; в-третьих, метафизические принципы теоретических (как и нетеоретических) моделей указывают на невозможность выявления отношений рационального характера между данными принципами и их репрезентацией, так как этих отношений просто не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 136 с.
2. *Лиотар Ж.Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // *Ad Marginem*. Ежегодник 93. М., 1994.
3. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М. : АСТ; Ермак, 2003. 380 с.
4. *Эко У.* Отсутствующая структура. СПб. : Symposium, 2006. 544 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М. : Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 1995. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 7 ноября 2013 г.

Goncharenko Mark V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/15617793/378/12
ON SOME FEATURES OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORKS OF SIMULACRUM.

Key words: falsification; simulacrum; conceptual framework; knowledge; rationality; I. Lakatos.

The article considers the modelling problems of conceptual frameworks. One and the same theory, undergoing some external changes in relation to its perception and interpretation on the strength of changing the pragmatic presuppositions of the subject of knowledge, demonstrates the reality of the absence of framework criterion for us, which would be able to actualize the definition of the concept "irrational". Ontology of discourse is defined with conceptual framework by the representation of concrete concepts. The bases of simulacrum as a discursive formation are predetermined by the possible variability of concepts interpretation and, of course, the change of their meanings necessarily leads to the fact that automatically we will eventually get a certain set of simulacrum. The concept is set by a number of concrete meanings and values, change of which involves reconstitution of the discourse. The picture of the studied reality can both include / allow the possible sets of values – meanings vital for its concepts, and not include / allow them. The conceptual framework of a theoretical system is in strict accordance with

the already happened "progressive shift" of problems only as long as this shift is perceived as progressive. The bases of "progressiveness" of shifting problems are rationally indeterminable because of the impossibility of finding points, which clearly fix the initial moment of inadequacy of our expectation in relation to the already existing theoretical systems (like to the description of world pattern). The following situation is also formulated: the creation of conceptual frameworks is caused by the system of their internal ordering both due to availability and intersubjectivity, and by means of presuppositions that predetermine both the availability and intersubjectivity of this discourse. Hereby, by analysing and comparing the principles and stages of making the conceptual frameworks from the point of view of simulacrum formation, we came to the following conclusion: first, simulacrum, as a certain form, is undoubtedly impossible outside the conceptual framework; secondly, conceptual changes, which are, in fact, a permanent status of our view formation, are possible only within a concrete conceptual discourse; and, thirdly, metaphysical principles of theoretical (and non-theoretical) models indicate the impossibility of identification of rational relations between these principles and their representation, for these relations do not exist.

REFERENCES

1. *Surovtsev V.A., Ladov V.A.* Vitgenshteyn i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 136 s.
2. *Liotar Zh.F.* Otvet na vopros: chto takoe postmodern? // *Ad Marginem*. Ezhegodnik 93. M., 1994.
3. *Lakatos I.* Metodologiya issledovatel'skikh programm. M. : AST; Ermak, 2003. 380 s.
4. *Eko U.* Otsutstvuyushchaya struktura. SPb. : Symposium, 2006. 544 s.
5. *Bodriyyar Zh.* Sistema veshchey. M. : Vserossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka inostrannoy literatury im. M.I. Rudomino, 1995. 174 c.